

КАКАЯ
ИСТОРИЯ!

Альберт ИВАНОВ

Волшебный кувшин ХОМЫ и СУСЛИКА

Приключения Хомя и Суслика
в серии Альберта ИВАНОВА

Альберт Иванов

ВОЛШЕБНЫЙ КУВШИН ХОМЫ И СУСЛИКА

СКАЗКИ

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2001

ББК 84.4(Рус.)
И20

Дизайн серии:
Н. Ордынский, А. Данилин

Иванов А. А.
И20 Волшебный кувшин Хомы и Суслика / Художник Д. А. Трубин. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 64 с.: ил. – (Какая история!)
ISBN 5-224-01611-8

Известные герои замечательного писателя Альберта Иванова, как всегда, неистощимы на выдумки. Поэтому нет ситуаций, из которых они бы не выбирались. Правда, если нет, они находят их сами. А значит, приключения продолжаются.

ББК 84.4(Рус.)

ISBN 5-224-01611-8

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2001
© Иванов А. А., текст, 2001
© Трубин Д. А., иллюстрации, 2001

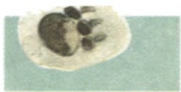
Как Хома следы собирал

Бежал как-то хомяк Хома по своим делам и наткнулся на Лисий след. Там, среди травы, глинистая плешинка была, и на ней тот след отпечатался.левой задней лапы – как определил Хома.

Только что дождь прошёл. А в чёткой вмятине на мягкой глине воды не было. Совсем свежий след. И хорошо видно, куда Лиса свои стопы направила. Вернее, стопу. В ту же сторону, куда и Хома бежал.

«Нетушки», – привычно сказал себе Хома. И хотел уже было повернуть обратно.

А Лиса – вот она! Тень её остроноса вдруг сзади на него упала. До чего же хитра рыжая: любит петлять, следы запутывать!

Замер Хома, ни с места. Куда теперь от неё денешься? Поздно.

Но со страху что только не придумаешь! И Хома быстро принял всякими соломинками и прутиками Лисий след огораживать. Да усердно так, заботливо.

А сам краем глаза на её зловещую тень поглядывает.

Застыла тень. Видать, заинтересовалась Лиса: чем это Хома-хомяк так старательно занимается? Что он тут с её следом делает? Неспроста, наверно.

– Ты чего? – наконец не выдержала Лиса.

Повернул Хома голову и вздрогнул. И хотя он собирался понарошку вздрогнуть, будто бы и не знал, что за ним Лиса стоит, – но вышло по-настоящему. Да и как тут не вздрогнуть, увидев Лису прямо за собой.

– Ох, напугала! – соврал Хома.

А соврал он не о том, что она его напугала, а о том, что вроде её не боится. Неожиданно, мол, застала.

– Красивый след! – отступил Хома немного назад, как бы любуясь отпечатком Лисьей лапы. – Правда?

– Да у меня таких следов... – начала было Лиса и спохватилась: – И без тебя знаю, что красивый! Ты мне голову не дури. Зачем мой след огораживаешь?

– Видишь ли, – скромно потупился Хома, – я – собиратель.

— Я тоже собирательница — хомяков, — осклабилась Лиса. — А ты собиратель чего?

— Ну, я-то лисиц не собираю, — криво улыбнулся Хома, — а всего-навсего разные следы, — застенчиво сказал он.

— Что? — опешила она. — Следы?.. А оградка эта зачем? Может, колдуешь? Мой след хоришишь? — забеспокоилась она.

— Скажешь тоже! — оскорблённо заметил Хома. — Оградка, чтобы никто не наступил ненароком. — И двинулся было прочь. — Пойду погуляю, подожду, пока высохнет.

— Нет, погоди, — остановила его Лиса. — Ты что, вправду всякие следы собираешь? — недоверчиво спросила она.

— Не всякие, — гордо ответил Хома. — Только красивые и чёткие. Твои, Волка, Зайца...

— Медведя, — подсказала, усмехнувшись, Лиса.

— Медведя — нет. Они в нору не пролазят, — пожаловался Хома.

— И много у тебя моих следов? — как бы небрежно спросила Лиса.

— Хватает, — сдержанно сказал Хома. — Но только трёх твоих лап: двух передних и правой задней. Наконец-то на отпечаток четвёртой лапы наткнулся. Теперь полный набор! — вновь любовался он на её след. — Ты хоть понимаешь, как мне повезло?!

— И давно ты этим занимаешься? — она и верила, и не верила.

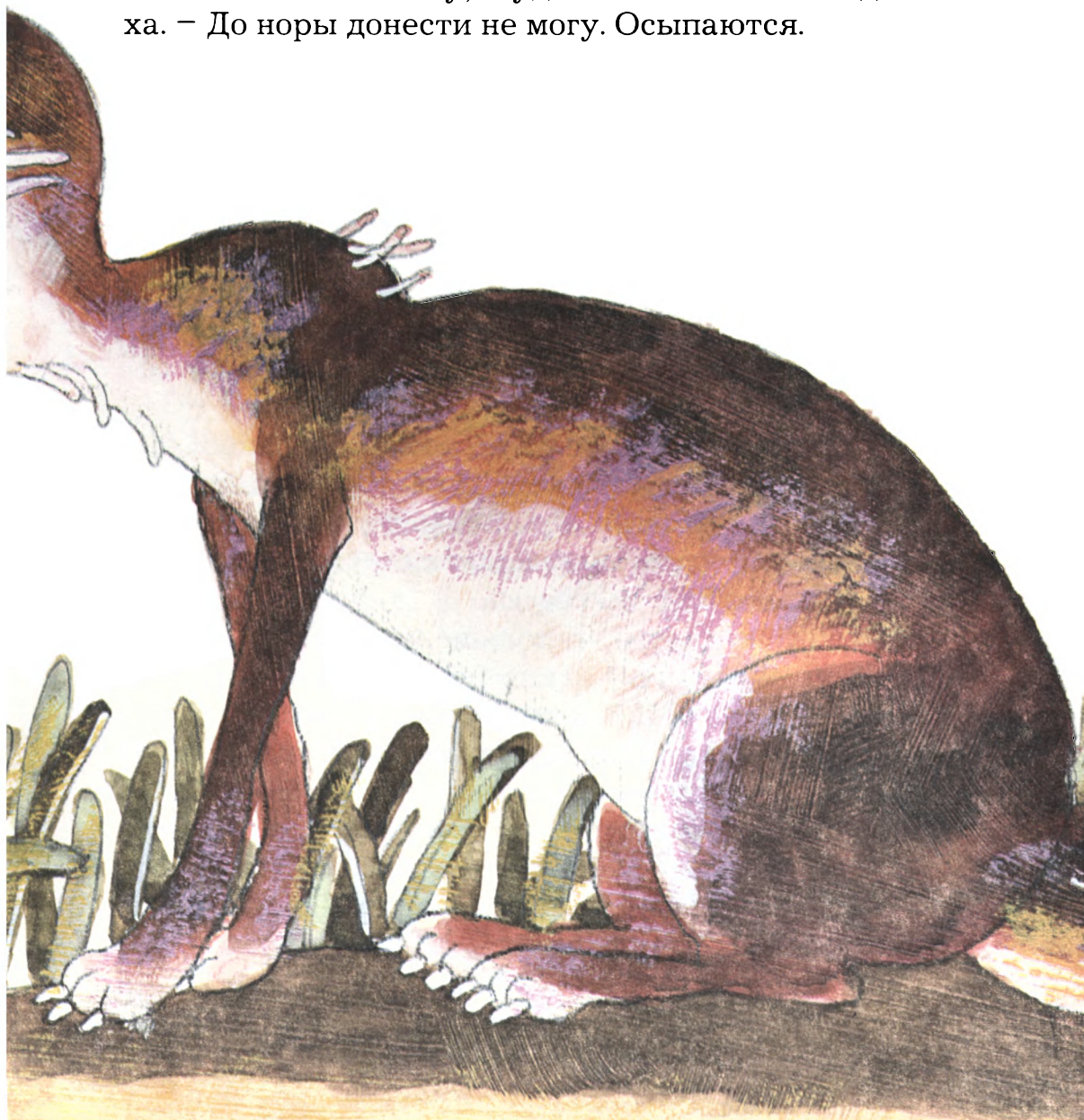
– Давно. Каких только у меня следов нет! – расхвастался Хома, положение обязывало – трудное. –

Утренние и вечерние, быстрые и неторопливые, грустные и счастливые, земляные и глиняные.

– А песчаные следы у тебя есть? – прервала его хитрая Лиса.

– Песчаных нету, – удачно избежал он подвоха. – До норы донести не могу. Осыпаются.

– Ну, а быстрые следы – какие они? – не унималась она.

Но его не проведёшь.

– Быстрые – поменьше, чем медленные. Когда бежишь, не на всю лапу наступаешь.

– А счастливые следы?

– Особые, – лишь на миг замялся Хома. – Ты бываешь счастливой?

– Редко, – призналась Лиса. – Когда сыта.

– Неправда, – строго сказал собиратель следов Хома. – Я однажды видел – идёшь ты, улыбаешься, счастли-и-вая и голодная.

– Голодная и счастливая? – возмутилась Лиса.

– Из деревни шла, курицу в зубах несла, – общил Хома.

– Тогда конечно, – заулыбалась Лиса.

– А следы-то остались. Вот я и взял один – замечательный такой, с присохшим куриным пёрышком. Гордость моей коллекции! – похвалился он. – Не веришь?

– Теперь верю, – польщённо кивнула она. – Меня не обманешь.

– Куда там! И как ты могла подумать?

– А чьи следы лучше – мои или Волка? – капризно спросила она.

– У него, понятно, внушительней, но грубее, зато твои – изящнее, – не разочаровал её Хома.

Он сорвал лопушок и бережно надел его на соломинку, словно крышу, над Лисьим следом.

– Пусть подсохнет.

– Зря, – поспешно заметила Лиса. – Солнышко лучше подсушит.

– И то правда, – убрал Хома лопушок. – Я гляжу, ты в нашем деле разбираешься.

– Да уж не глупее тебя, – погладила себя по голове Лиса.

– Пусть этот след здесь побудет, – деловито сказал Хома. – Идём ко мне, другие твои покажу.

А затем озабоченно:

– Нет, покарауль его здесь, а то ещё украдут!

– Кто?

– Мало ли кто! Вдруг Суслик начнёт следы собирать? Он мне давно завидует. Я лучше остальные твои следы сюда принесу.

– Ладно, – согласилась Лиса. – Неси.

– Если донесу, – хихикнул Хома и осёкся.

Лиса подозрительно посмотрела на него.

– Тяжёлые, – нашёлся Хома. – Целых три!

– Гляди у меня! Смотри, чтобы не сломались по дороге, – напутствовала его Лиса.

Хома убежал. А она осталась свой след охранять.

Долго она тут простояла.

И след её давно высох, а Хома всё нет и нет. Как говорится, и след простыл. Его след.

Лиса и по сей день верит, что он – собиратель следов. «Вероятно, не смог тогда донести, – полагает она, – и боялся на глаза показаться».

Вероятно, поэтому Лиса с тех пор то и дело оставляет возле его норы много следов. Всех четырёх лап!

Как Хома Кабана победил

Все этого Кабана «пришлым» называли. Скажешь о нём, обязательно спросят: «Пришлый?», хотя он один на всю рощу.

Откуда он появился, неизвестно. А сам пришлый Кабан отмалчивался.

Лишь как-то, жадно хрумкая жёлудями, невнятно сказал любопытному Хоме:

— Там, где я был, несладко. Там сладких жёлудей нет.

И что в них тупой Кабан находил? Они же горькие.

10 А впрочем, у каждого — свой вкус. Лиса, вот, мышей ест. Глупых-преглупых. И от этого ещё хит-

рей становится. Лучше бы она жёлудями питалась! Лучше – для Хомя. Глядишь, и до него доберётся.

Пришлый Кабан тоже не отказался бы от мышей, но жёлуди любил сильнее. Ну и ешь их, да только с умом. Не жалко.

Но и то правда, что из каждого жёлудя мог бы дуб вырасти. А пришлый Кабан съедал их неимоверное количество. Наверно, не одну будущую рощу умял. Прямо на глазах толстел куда быстрее, чем сами дубы. И понятно: дубы щедро отдавали, а он жадно брал.

Просто помешался Кабан на еде. А ведь он, невежа такой, древесные корни раскапывал. Что значит пришлый! После него хоть трава не расти!

Вскоре и к орешнику, усыпанному вкусными орехами, подобрался. Сначала под лещинами закатившиеся жёлуди искал, затем и сами орехи распробовал. Стал нещадно орешник ломать.

В общем, ему всё равно стало: жёлуди или орехи. Лишь бы побольше.

Зато Хомя не всё равно. Сколько раз умолял его Хома:

– Зарой обратно корни, дубы засохнут! Не ломай орешник, орехи не вырастут!

Кабан лишь насмешливо хрюкал:

– На мой век хватит.

Лопнуло терпение у Хомя. Решил он его проучить. Может, тогда пришлый Кабан уберётся отсюда и станет пришлым где-нибудь в другом месте. А может, и одумается, несмотря на свою ту-пость. Всякое бывает.

– Не там жёлуди ищешь, – сказал ему Хома. – Вон где рыть надо, – и показал, где. – Там их полным-полно! Только поглубже копай.

Кабан и рад стараться. А того он, пришлый, не знал, что роет прямо позади Медвежьей берлоги. С тыла, с другой стороны.

– Копай, копай, – подбадривал Хома. – Там их целые залежи!

Никаких там залежей, ясно, не было. Там Медведь лежал-почивал после обеда.

– Рой, не стесняйся, – бубнил Хома.

– Нет ничего, – недовольно хрюкнул Кабан, углубившись почти по макушку.

– Сейчас будет, – пообещал Хома.

И точно. Кабан с шумом провалился, а потом завизжал так, будто режут:

– Чего дерешься? Я жёлуди раскапывал!

– А досталось на орехи, – грозно гудел Медведь. – Приперся! Рыло неумытое!

– Я не знал, я пришлый! – надрывно голосил Кабан.

– Станешь местным, – доносился Медвежий бас. – На местном кладбище!

Выкатился Кабан как ошпаренный из развороченной земляной дыры. Тупой-тупой, а понял, что его провели. И накинулся было на Хому.

А Медведь выскочил следом и орёт:

– Ты ещё и маленьких обижать, обалдуй!

Конечно, Хома себя бы в обиду не дал – с ходу удрал бы. Но теперь всё очень удачно получилось.

Он, Хома, так теперь пришлого Кабана накажет, что тот на всю жизнь запомнит!

– Да этот маленький хуже самого большого, – оправдывался Кабан.

– Хуже меня?! – взревел Медведь. – На меня намекаешь?!

– Я не о вас, – попятился Кабан.

– А кто у нас самый большой? – гремел Медведь.

– Кто? – вторил ему Хома. – И больших, и маленьких не уважает. Заявился в нашу рощу – ну, ладно, живи. Только не порть ничего: ни дубы, ни орешник. Ни берлогу, – ловко вставил он.

– Ни берлогу, – гневно повторил Медведь.

Не любил Хома жаловаться, но уж слишком припекло:

– Всё кругом ломает, подкапывает. Клыками!

– А чем же ещё? – угрюмо захрюкал Кабан.

– Вот я клыки-то тебе пообломаю! Да я из твоей носорожьей щетины мыльных помазков понаделаю! – вновь разбушевался Медведь, в прошлом затворник передвижного зверинца. Знал, о чём говорит. В своё время он из товарного вагона на ходу сбежал. На тихом ходу.

– У носорогов щетины нет! – оказалось, и Кабан не так-то прост.

– Знаю. Но у тебя же есть? – опять загудел Медведь. – Из твоей щетины и сделаю. Подрывной тип! Если ты так рыть любишь, зарывай всё обратно!

Куда тут денешься? Долго зарывал Кабан яму. Старался.

– А может, и зря, – вдруг раздумчиво сказал Хома.

– Что – зря? – спросил Медведь, придирчивым взглядом оценивая Кабаны труды.

– Зря он запасный выход зарыл, – сдержанно ответил Хома.

– Запасный?.. – озадачился Медведь. – А ну, рой обратно! – приказал он Кабану.

Взглянул тот на Хому злобными красными глазками. И снова принялся копать.

Сделал наконец. То, что ещё сначала проделал.

– Так. Поглядим.

Хома прыгнул в яму, прошёл берлогу насквозь, вышел с другой стороны и вернулся обратно.

– Сквозняк сильный. С ног валит, – сообщил Хома. – Была отдельная берлога, стала проходная, – сокрушался он.

– Зарывай – проходную! – озабоченно скомандовал Медведь Кабану. – Пришёл тут свои порядки устанавливать. Развёл сквозняки, понимаешь.

Не скоро завалил Кабан яму землёй. Сам уже еле дышит.

Медведь опять придирчиво оглядел его работу.

– Вот здесь подправь, – въедливо указывал он. –
14 Там подкопай. Тут подсыпь. Ну, как теперь? – об-

ратился он к Хоме, когда Кабан, усердно пытая, выполнил все замечания.

— Грубо. Некрасиво, — покачал головой Хома. — Здесь раньше травка росла, цветочки.

— Сам вижу, насвинячил Кабан, — мощно вздохнул Медведь. — Заставить его траву посадить?

Кабан беспомощно прислонился к дереву.

— Не надо, — устало ответил Хома. — Я подумал, прикинул... Пусть роет обратно.

Кабан так и лёг — копытца разъехали.

— Слышал? Кому сказано! — рявкнул на него Медведь, проникнувшись доверием к строгому, взыскательному Хоме.

Кабан уже в который раз, через силу, начал медленно разгрести землю.

— А зачем? — тихонько спросил Хому Медведь.

— Запасный лаз никогда не помешает. Мало ли что!

— А сквозняк?

— Вторую дверь поставишь, — громко посоветовал Хома. — Дубовую! Там, в овраге, большой дубовый пенёк без дела пропадает. Пусть обтешет его клыками.

Кабан вздрогнул, продолжая копать.

— Слышал? — повторил ему Медведь. — Клыки береги. Смотри не затупи, они нам ещё пригодятся.

— Ладная дверь выйдет, — предвкушал Хома. — А кстати, я в ручье ещё и упавший вековой дуб видел. Морёный дуб. Твёрже камня!

– Понял, – кивнул Медведь. – Пусть лучше тот обещет? Как ты думаешь?

Кабан оглянулся. Хома увидел в его крохотных глазках такую бескрайнюю тоску, что нечаянно сжалился:

– И от овражного пня дверь сойдёт! А то всю жизнь на сквозняке жить будешь. С морёным дубом он не управится. Верно? – и сочувственно поглядел на бедолагу землекопа.

– Не управляюсь! – взмолился пришлый Кабан, с благодарностью уставившись на Хома. – Не знаю, обещу ли я морёный дуб, но, что клыки совсем обещу, точно знаю.

– А живые деревья теперь трогать не будешь! – потребовал Хома.

– Никогда больше не буду корни подрывать! Дубовые, – Кабана аж передёрнуло.

– Всякие корни, – убедительно подсказал Хома.

– Всякие, – отупело согласился тот.

Так Хома и сладил с упрямым Кабаном. А что делать, если на него ничто не действует?

Больше он никогда деревья не трогал. Опасался, что Хома вдруг о морёном дубе вспомнит.

Дуб тот и посейчас в ручье лежит. Ждёт. С каждым днём крепнет. Ещё твёрже становится.

С ним, если что, рабо-о-ты... Как любил говорить сам Кабан: «На мой век хватит!»

Как Хома и Суслик Барсука прогнали

Все знали, что Заяц-толстун жил в старой, заброшенной барсучьей норе.

Что с её прежним хозяином, стариканом Барсуком, случилось, никто не ведал. Ушёл куда-то, да так и не вернулся. Говорят, его Волк сцапал. Нора вдруг освободилась и долго простояла пустой – дня два. Заяц её тогда и занял.

Вообще-то зайцы в норах не живут. Наверно, копать лень. А свободную разве найдёшь? А тут такое счастье Зайцу привалило! Даром что косой, а углядел. Век уже в ней живёт – года полтора.

Никто его этим не попрекает. Разве что Лиса злится. Норного Зайца труднее поймать. Даже невозможно!

И вдруг осенью в их краях молодой и наглый Барсук появился. Бахвалится, что он родственник того самого Барсука, который здесь раньше обитал.

– Я его старший брат, – говорит.

Это старикана-то Барсука старший брат? Вот проходимец! Высмотрел, что нора явно барсучья. И давай плести несусветное, чтобы ею завладеть. То он, видишь ли, старший брат, то он якобы дарственную на нору имеет.

– Покажи, – потребовал Заяц-толстун.

Барсук и показал – сильную когтистую лапу.

– Такими когтищами можешь себе другую нору откопать, – осуждающе сказал Хома, гостивший у Зайца.

– Зачем? – засмеялся Барсук. – Когда готовая есть.

Лиса мимо шла, сразу его поддержала:

– Не положено, чтобы Заяц в норе жил!

Но главное, сам Барсук напирал на то, что он – барсук.

Это был сильный довод. Никак не оспоришь. Барсук? Барсук! Нора – барсучья? Барсучья! Тогда и иди, Заяц, вон!

Никто не заступился за бедного Зайца-толстуна. Кроме Хома. Ну, и Суслика, понятно. Он тоже что-то гневно выкрикивал, когда Зайца Барсук из норы вытурил.

Выселил и вселился. Ничего больше знать не хочет. Даже Заячьи запасы не отдал: морковь и капусту.

А схватиться с ним врукопашную кто рискнёт? Видал, какие у него когти – большие, изогнутые, загибающиеся!

Они, барсуки, ими ловко норы копают. Не ленивые, конечно, как этот.

С того самого дня Хома покоя не знал. Кому веселительно, а кому выселительно! Особенно, когда по ночам затяжной дождь идёт. Представит себе Хома, как мокрый Заяц дрожит где-нибудь под голым кустом, – весь сон пропадает.

И к себе его не позовёшь. Ни к себе, ни к Суслику. Крупноват Заяц, не пролезет в маленькую нору. Ему барсучья в самый раз была. И даже больше, чем нужно. Барсуки-то посolidнее зайцев.

Грустно вспоминали друзья и то, как Заяц их, бездомных, в прошлое половодье приютил, как им новые норы выкопал.

– Погоди-ка, – однажды озадачился Суслик, – а чего ж он теперь себе удобную нору не выроет?

– Эх, – сказал Хома, – такое только раз в жизни бывает. Он ужасно боялся, что мы у него навечно останемся!

– А сейчас, значит, не может вырыть?

– Куда там!

– А мы ему – можем?

– Мы только маленькие норы делать умеем, – пригорюнился Хома.

– Да чего это я? – неожиданно взбунтовался Суслик. – Почему он должен себе другую копать, когда у него своя есть? А если со всеми так?!

Днём и ночью думали они, как прежнюю нору
Зайцу вернуть.

Но чем больше они думали, тем труднее ка-
залась им любая затея прогнать захватчика Барсука.

И вот как-то пришёл к ним Заяц-толстун. Он за порогом сидел, а они – в норе у Суслика. Так и разговаривали. Он говорил туда, а они – оттуда.

– Я отчего-то барсуков не люблю, – внезапно заметил Заяц. – Но в одном редком достоинстве им не откажешь.

– В каком? – недовольно спросил Хома так, будто это у него нору отобрали. Лично он никаких достоинств у таких бессовестных барсуков не находил.

– Они – немыслимые чистюли, – сказал Заяц.

– То-то и видно – немыслимые, – проворчал Хома, известный неряха.

– Значит, глупые, без мыслей, – под-
держал его Суслик.

– Да-да, – рассеянно продолжил Заяц. – Я сам виноват. Такой же чистюля. Как принял тогда опрятное барсучье жилище, так и чистил его, вылизывал.

– Языком? – хихикнул Суслик.

– Веником, – с укоризной ответил Заяц-толстун. – Чистоту поддерживал. Это меня и погубило.

– Как же так? – удивился Суслик.

– А так. Если б у меня, как у тебя было, ни за что бы он на мою нору не польстился. Моей бы осталась.

– Видишь! – сказал Хоме Суслик и довольно оглядел свою неприбранную нору. – А ты меня иногда попрекаешь, что я не подметаю.

– Да у тебя и веника нет.

– А у тебя? – возмутился Суслик.

Скучно стало бездомному Зайцу слушать их домашнюю перепалку, и он ускакал.

– Из-за тебя, – буркнул Хома. – Нашёл время сор из избы выносить! Ну, из норы выметать, – поправился он.

– Да не выметал я! Сам знаешь, веника нет.

– Это выражение такое: «Сор из избы выносить». Деревенское.

– Да? А насчёт того, чтобы сор вносить, выражения нет? Деревенского? – подтрунил Суслик. – Вот ты всегда заходишь и никогда ноги не вытираешь. Ты...

– Постой, – резко остановил Хома. Он пристально посмотрел на лучшего друга.

Это у него уже стало привычкой, когда Суслик чем-то его поражал.

– Ну ладно, выкладывай, что я там умного сказал? – нетерпеливо попросил тот.

Но Хома задумчиво молчал.

– Сказал я что-нибудь умное? – настаивал Суслик.

– Сказал...

– А что? – выпытывал Суслик.

– Догадайся, раз такой умный, – посоветовал Хома.

– Да я столько всего умного говорю, что и за год не разгадаю, – надулся Суслик. – Чего молчишь?

– Начнём, – внезапно встал Хома. – Сделаем по-твоему! Пошли сначала на свалку.

Заинтересованный Суслик послушно последовал за ним. И хотя он не знал, в чём дело, уж очень подкупало, что Хома признал его верх. Прекрасные слова «сделаем по-твоему!» неземной музыкой звучали в его ушах.

Набрали они на дальней свалке, возле деревни, целые охапки рваных жёлтых газет.

– Теперь Барсука проведем, – загадочно подмигнул Хома.

– А если его дома нет?

– На это и надеюсь, – озабоченно пробормотал Хома.

-

– Так что же мы медлим? – заторопился Суслик. – А для чего я сказал – сор внести? – небрежно спросил он.

– Чтоб оттуда Барсука вынесло!

Конечно, им здорово повезло, что Барсука дома не оказалось. Нашвыряли они ему в нору газет и убежали.

Вернулся Барсук, схватился за голову и – тоже убежал!

Не стал он газеты читать. Наверно, не понравились. А возможно, тоже читать не умел. Да к тому же в них раньше селёдку заворачивали.

Словом, вынудили его уйти Хома и Суслик.

Потом уж они узнали, что таким способом молодые, небольшие лисы барсуков из нор выживают. Нашвыряют туда мусору, и барсуки враз уходят. Чистюли какие!

До чего же Заяц доволен был, когда вновь свою нору занял! И опять, неразумный, уборку затеял. Немыслимую.

– Ты не очень-то убирай, – тревожно посоветовал ему Суслик, – а не то Барсук опять нору отберёт.

К счастью, Барсук себе новую нору выкопал. Чистую. И быстро как! Ещё бы, такими изогнутыми когтищами!

А ведь мог бы давно это сделать, никого не обижая.

Как Хома волшебный кувшин не взял

Как известно, Хома и Суслик уже плавали вниз по ручью. Дважды. Сначала на детской надувной лодочке, затем на камышовом плоту.

– Вот бы посмотреть, откуда ручей вытекает, – размышлял как-то Хома. – Ни разу мы вверх по ручью не плавали! Даже странно.

– Зато внизу побывали, – гордился Суслик.

– Вниз плыть легко, вверх – трудно, – подчеркнул Хома.

– Интересно, почему так? – оживился лентяй Суслик.

– Вверх сам себя тащишь, а вниз сам по себе падаешь, – подбоченясь, изрёк Хома. – Вот, допустим, ты падаешь с дерева. Ну?

– Я с дерева не падал, – возразил Суслик.

– А с головою у тебя так, будто с дерева упал.

– Да не падал я с дерева! – горячо повторил Суслик. – Я всегда с дерева слезал.

– Ага, – не унимался Хома, – а говоришь так, словно только что с дерева слез.

– Не только что, – упрямо твердил Суслик, – а давно это было. Я тебе не Белка – всё время лазить и слазить!

– Знаешь, а я от Белки слышал, что там, вверху по ручью, очень замечательно! – вновь принялся за своё Хома.

– Ясно, – вздохнул Суслик. – Когда поплывём? Только, чур, ты грести будешь против течения!

Хома удивлённо посмотрел на него:

– Каждый раз поражаюсь, в кого ты такой догадливый? Да ещё и нахальный. Я на целых полгода старше, а ты меня грести заставляешь. Совести у тебя нет!

– Совесть у меня есть, – твёрдо сказал Суслик. – Сил моих нету грести. Вниз по ручью ты меня тоже заставлял. Вспомни!

– Тебе же течение помогало. Сильное течение.

– А вверх по ручью оно какое? – осторожно спросил Суслик.

– Так себе, – уклончиво ответил Хома.

– Сильное или слабое? – вскричал Суслик.

– Вниз – сильное, вверх – слабое.

– Да вверх его, верно, вообще нет! – раздражённо сказал Суслик.

– Вот! – подхватил Хома. – А ты заранее устать боишься.

Суслик отрешённо закрыл глаза. Или уже устал, или ещё готовился уставать.

– Ладно, погребу, – слабо согласился он и сердито предупредил: – Но только с отдыхом!

Хома снова удивлённо посмотрел на него.

– Конечно, с отдыхом. Весь день – плыть, всю ночь – спать. Мало тебе? Станный ты, Суслик. Как же без отдыха?

Хотел Суслик опять что-то возразить, но не стал. С Хомой спорить – это не фунт гороха съесть. Ты-то не съешь, а он запросто. Унесёт за щеками.

Разыскали они свой камышовый плотик, палку-шест и дощечку-весло. Хома всё это с прошлого путешествия припрятал. Где? Тайна!

Вечером припасы собрали, ночью поспали, а утром – в путь.

– Учти, – сказал Хома, когда Суслик отталкивал плот от берега. – У нас какой уговор был? Днём гребёшь, ночью спишь. А вот ты вчера ни капельки не грёб, зато всю ночь отдыхал. Поэтому сегодня за два дня старайся. Особенно за вчерашний день!

Ну, что на это скажешь? Всё правильно. Был такой уговор.

Правда, Суслик и тут возразил. Но очень неубедительно.

– Я не гребу, я отталкиваюсь.

– Значит, отталкивайся вдвое сильнее!

– А ты тоже греби.

– У меня весло не загребное, а рулевое. Понял? Если я не так рулить буду, тебе вдвое труднее будет.

– Ты же сам сказал, что этой ночью я отдыха не заслужил. Мне и без того приходится вдвое больше пыхтеть, – старательно работал Суслик шестом.

– Ну, выходит, тебе втрое трудней бы стало, – великодушно заметил Хома, – если бы я плохо рулил.

Так, пререкаясь, они тем не менее упорно плыли вверх по ручью. Держались низкого берега, где течение было слабее.

Ручей, как и положено, петлял меж обрывистых и низких берегов. И плот приходилось вести всё время наискось – от пологого места к пологому. У Хома уже был рулевой опыт. В прошлом путешествии, пусть и вниз по ручью, он успел наловчиться.

Под обрывистыми берегами течение всегда сильнее. Вот и надо было плыть зигзагами. А то бы не выгрести.

Даже своевольный Суслик похвалил рулевого:

– Неплохо правишь. У низких берегов течение совсем слабенькое.

– А ты боялся! – ликовал Хома. – Если бы я плохо рулил, ты давно бы упарился!

Светило солнышко, звенели стрекозы, мелькала рыбёшка. Хорошо!

А что особенно приятно: повсюду у низкого берега стеною стоял камыш, и сплошная свежая тень

от него отрадно накрывала путешественников.

– Но я тебе самого главного не сказал, – неожиданно вспомнил Хома. – Не забыл ещё того Муравья, что у меня жил?

– Как же! – засиял Суслик. – Он ведь нас тогда от Лисы и Волка спас!

– Может, встретится?

– Обязательно встретится! Что ж ты раньше молчал? – Суслик сразу приналег на шест. – Он ведь где-то в верховьях живёт. Жаль, поточней не сказал, где его дом.

– По пути спросим, – беззаботно сказал Хома. – Язык до любого муравейника доведёт.

Вспомнили они своего маленького коричневого Муравья, и совсем хорошо на душе стало. Так приятно знать, что живёт где-то друг, который тоже помнит тебя и всегда тебе рад.

Хома, понятно, сжалился над Сусликом – давал ему и днём отдыхать. А раз такое дело, то заодно и сам отдыхал. Неохотно, правда.

– Из-за тебя останавливаемся, – каждый раз укорял он лучшего друга. – Сильно слабый ты. А ведь должен сам себя обгонять, – припоминал он ту ночь перед путешествием, когда Суслик незаслуженно спал.

– Как это – себя обгонять? – не понимал тугодум Суслик.

– Ну, того самого, кто накануне мог бы в плавание выйти, чтоб потом всю ночь, как ты, отдыхать, – туманно говорил Хома.

– Как же я сам себя обгоню, если я позже в плавание вышел?!

– Представь себе мысленно.

– Мысленно? Тогда я давно уже дома. До начала ручья сплавал и домой вернулся. Гляди-ка, быстрее моей мысли нет ничего! – поразился Суслик.

– Был бы ты такой быстрый, да на работу! – упрекал его Хома, удобно развалившись на прибрежной травке.

Ветерок отгонял комаров, ерошил метёлки камыша и убегал дальше, куда-то к истокам ручья. В ту же сторону плыли редкие пузатые облака, по небу и по воде.

... Вообще-то друзьям везло. Ветер всё время дул в спину. Помогал им, подталкивал плотик. Ручей заметно сужался. По берегам появлялись деревья, сначала поодиночке, затем целыми семействами, предвещая близкий лес.

По пути Хома и Суслик спрашивали про своего коричневого Муравья. Уток спрашивали, кузнечиков, чёрных муравьёв. Никто не знал, где их друг обитает.

Течение становилось всё слабее. А в лесу, который сомкнул ветви над ручьём, оно совсем исчезло. Будто и не было.

Плот легко скользил по спокойной, ровной воде.

Зато стали встречаться коряги. Тут уж Хоме пришлось глядеть в оба. В тихом лесном сумраке они грозно высовывали из воды свои чёрные рога, увешанные серой, сухой тиной.

Хома и Суслик тоже притихли. И невольно говорили шёпотом.

Солнечные лучи с трудом прорывались сквозь бесчисленные листья над головой. Ручей был весь в крапинку от мелких бликов солнца.

Внезапно неподалёку раздался громкий плеск.

– А щуки здесь водятся? – напряжённо спросил Суслик.

– Я же тебе говорил, там у нас последнюю поймали, – прошептал Хома.

– Это у нас... – протянул Суслик.

Дёрнуло его за язык! Рядом забурлила вода, и пятнистый щучий хвост так ударил прямо у плотики, что они закачались!

Хорошо ещё, Хома весло удержал, а Суслик шест не выронил. Они лихорадочно направили плот к берегу.

– Наверняка щука-утятница, – запинаясь, бормотал Хома. – Уток миглом глотает!

– А нас и подавно! – ужасался Суслик, бешено отталкиваясь шестом.

Опомнились они только на берегу.

Щука больше не появлялась.

Возможно, она тогда играла себе в воде, а растяпа Суслик задел её шестом.

– Не везёт нам, – пожаловался он, с опаской поглядывая на ручей. – В прошлом плавании Сом нападал, в этом – Щука. С меня хватит! Домой я пешком пойду!

– Не дойдём, – помрачнел Хома. – Ты сам посуди, в ручье – только Щука, а по берегам – и лисы, и волки, и хорьки. Не добратся!

– Думаешь? – сомневался Суслик.

Хома всегда был решительным, прав он или не прав.

– Давай перенесём плот выше по берегу. Подальше, – как старший распорядился он. – Подальше от Щуки. И снова поплывём.

– Да мы его не поднимем, – пришёл в себя Суслик.

– Плот сухой, лёгкий. Справимся.

– А если нет?

– По частям перенесём, – рассердился Хома.

– Ага, а потом опять его связывать? – заныл Суслик. – Весь день?

Хома ненадолго задумался – и просиял.

– Слушай, мы его по воде с этого места перегоним. Будем по берегу идти и твоим шестом его подталкивать.

– Моим? – уточнил Суслик.

– Твоим. Каким же ещё?

– Значит, подталкивать я буду?

– Ясно, ты. Кто же ещё!

– А тогда что тебе делать? – нахмурился Суслик. – На берегу рулить? Указывать?

– Не указывать, а показывать. Я впереди пойду и удобный путь для плота выберу. Ну а хочешь, сам впереди смело шагай, а я наш плот подталкивать стану.

– Нет уж, – отказался Суслик. – Сам смело шагай.

Так и сделали. Хома первым по берегу шёл. А Суслик где-то позади брёл и плот шестом толкал.

– Хватит? – спросил Хома. Они уже достаточно отошли.

– Мало, – ответил Суслик. Хома шёл и шёл, с трудом перелезая через толстые корни деревьев.

– Всё? – снова обернулся он.

– Мало, – отозвался невидимый Суслик. Но, наконец, и он, вероятно, устал. Хома опять крикнул:

– Хватит?

И в ответ раздалось:

– Ладно!

Затем послышалось хлюпанье воды. И появился плот. Суслик преспокойно плыл на нём вдоль бережка, легонько отталкиваясь шестом.

– Устал я за тобою идти, умаялся, – невозмутимо сказал он изумлённому Хоме.

– Хорош друг! – только и вымолвил Хома.

– Сам же вызвался пойти впереди, – оправдывался Суслик. – Залезай и рули! – внезапно прикрикнул он. – А то мне коряги мешают. Нечего прохлаждаться!

Весело с ним. Сусликом. Очень!

Но и то заметим, что без него бы Хома до конца ручья – вернее, до начала – не доплыл. Да и вообще бы в путь не отправился, хотя его и влекли к себе дальние путешествия.

Ручей сужался, сужался – и кончился. Под конец путешествия пришлось оставить плот в надёжном, скрытом месте. А дальше друзья зашлёпали босиком по мелкой воде. Настолько мелкой, что даже и шмелю окунуться негде.

Но вот что самое удивительное. Оказалось, весь ручей вытекал не откуда-нибудь, а из... старого глиняного кувшина.

Хома и Суслик ахнули. Волшебный кувшин! Он лежал на боку, наполовину занесённый песком, а из него переливчато падала на мшистый камень струйка прозрачной холоднющей воды. За много-много лет крохотный водопадик выбил в камне глубокую ямку. В ней фонтанчиком клубились крохотные песчинки.

Поглядели друзья на кувшин. Переглянулись. И невольно потупились, потому что об одном и том же подумали.

– Такой бы кувшин домой взять, – не сразу сказал Суслик. – Горлышко заткнуть, и всегда у тебя вода свежая.

А Хома помолчал и буркнул:

– Ручей пропадёт.

И тут неожиданно-негаданно, как в сказке, на кувшин взобрался маленький, но рослый Муравей. Тот самый, коричневый. Их Муравей!

– Привет, друзья! – тоненько сказал он. – Говорил же, встретимся? А я как раз на днях в гости к вам собирался.

– Так далеко? – удивились они, сами не свои от радостной встречи. – Какой шустрый!

А затем...

Тут, пожалуй, долго пришлось бы рассказывать о том, как он им свой муравейник издали гордо показывал, как на поляну со спелой земляникой весело водил, как неохотно провожал их обратно к плоту и загрустил на прощание.

Муравей слышал тот разговор Хома и Суслика про кувшин. Но ничего не сказал им о том, что положили его здесь давно – для красоты. И чтобы родник за ним не размывало, конечно.

И о том, что у кувшина дна нет, – тоже ничего не сказал Муравей. Зачем? Пусть так и думают, что он волшебный. Без этого жить неинтересно.

А домой путешественники благополучно вернулись. С таким-то рулевым!..

Как к Хоме дядюшка пришёл и ушёл

Вернулся однажды Хома с Дальнего поля домой. А у него в норе какой-то пожилой хомяк сидит. Плечистый. Усатый.

– Что, не узнаёшь? – усмехнулся незнакомец. – Здорово я сдал? Постарел?

– Здравствуйте, – поздоровался растерянный Хома. – Да нет, вы не старый ещё.

Хома и правда не узнавал незваного гостя.

– Внешность обманчива, – снова усмехнулся неизвестный.

– Да только... не ваша, – внимательно приглядывался к нему Хома. – Неужели? Дядюшка! – ликуяще вскричал он.

– Ну, здравствуй, племянничек! – дядюшка резво вскочил и так крепко обнял Хому, что у того косточки затрещали. – Есть силёнка?

– Есть, есть! – смеялся Хома. – Отпусти!

Дядюшка хотел жизнерадостно подбросить его, но низкий потолок помешал.

Наконец он отпустил племянничка и весело сказал:

– Чего не угощаешь дорогого гостя?

– Ой! – засуетился Хома. – Тут у меня и зёрна, и горох, и орехи. Что тебе лучше дать?

– Мне лучше – всё! – великодушно заявил дядюшка.

У него оказался завидный аппетит. Горох ел, орехами заедал. Орехи крушил, корешками закусывал. Так молотил, что любо-дорого посмотреть!

– Что, удивляешься? – промычал дядюшка с набитым ртом. – Проголодался немножко с дороги.

– Я другому удивляюсь, – радовался Хома. – Откуда тебя принесло?

– Ты, небось, слышал, что я в норе утонул?

– Ну да! Я тогда на ручье был, а мальчишки все норы водой заливали – по всему лугу!

– Выплыл, – кратко ответил дядюшка.

– А что я Суслику говорил? Мой дядюшка в воде не утонет!

Он забыл, что Суслику не совсем то говорил. Но какая разница? Главное, дядюшка жив. Вот он сидит!

Долго рассказывал дядюшка о своих похождениях. О том, как его тогда мальчишки схватили, как на базаре продали, как он долго в неволе жил, как наконец убежал. И про то, как любимого племянника нашёл. Свет не без добрых зверей – направили. И вообще, хомяк хомяка видит издалека!

– Теперь я всю оставшуюся жизнь, – развалился дядюшка на мягкой постели Хомя, – отдыхать буду. Я это заслужил.

Хома не придавал значения его роковым словам. И напрасно. Когда над собою шутят, частенько нешуточную правду говорят.

Дядюшка целый месяц шутил про отдых. И всерьёз отдыхал.

Он всё время отсыпался. После лёгкого сытного завтрака, после тяжёлого обильного обеда, после долгого плотного ужина. Да и ночью спал сладко. Больше он ничего не делал. И меньше – тоже.

Даже пальцем шевельнуть не хотел, чтобы пополнить быстро исчезающие припасы. Говорил, что достаточно настрадался в неволе. Она, мол, его и расслабила. Приучила к бесконечному отдыху и трёхразовому питанию.

Он и гулять не выходил. Заявлял, что «там» его куда не выпускали. А от вредной привычки трудно избавиться с непривычки.

Даже воды из ручья не хотел принести.

– Пусть лучше от жажды помру, – говорил, – а не пойду. Я хозяин своему слову!

А таким капризным оказался. То одно подай, то другое принеси! А иногда и всё вместе: одно и другое. И даже третье.

А если что не по нему, называл Хому лентяем и лежебокой. Хорошо, хоть не наказывал – в угол не ставил.

Хома весь избегался, угождая ему.

– Исхудал, – пожалел его как-то Суслик. – Загонял тебя добрый дядя!

– Ты просто завидуешь, что у меня дядюшка есть. А у тебя нет!

– Да я бы такого на порог не пустил. Или за порог бы выгнал!

– На порог или на пирог? – вдруг рас-
смеялся Хома. И вновь на минутку
стал прежним, каким его и любил Суслик.

– И на порог, и на пирог не пустил бы, – улыб-
нулся Суслик.

– Ты только так говоришь, а сам бы последнее
отдал.

– Я? Последнее? – опять завёлся лучший
друг. – Да у меня зимой снега не выпросишь! – по-
думал и сказал: – Я зимой сплю.

– Дотянуть бы до зимы, – мечтательно произ-
нёс Хома. – А там, глядишь, и дядюшка заснёт.

– Навечно, – добавил Суслик.

– Хватит, – одёрнул Хома. – Ты не знаешь,
какой он у меня замечательный!.. Некогда мне
здесь с тобой распотякивать. Мне к Выдре сбегать
нужно, дядюшка свежей рыбки захотел.

– А раков он не заказывал? – невинно спросил
Суслик.

– Нет, – пробормотал задёрганный Хома.

– Жаль. Они бы его хватанули!

И вот так все встречи. Лучше бы и не ви-
делись. Сплошное расстройство.

У Хома теперь Суслик не появлялся.
Один только раз побывал. Но и этого ему было до-
статочно.

Дядюшка, набравшийся сил на непрерывном
отдыхе, вышвырнул его из норы. Легко, как
пушинку! Суслик сам виноват. Нельзя до таких
безобразных поступков старших доводить. При-
держал бы язычок, вместе бы мирно поужинали.

Дядюшка тогда сильно переживал:

– Надо было выкинуть его после ужина. Никогда себе не прощу, что натошак, голодного, выбросил!

Хома потом возвёл странное дядюшкино рассказание в невиданное достоинство.

– Дядюшка очень жалел, что ты не остался на ужин, – горячо говорил он лучшему другу.

Суслик даже задохнулся от возмущения. Но промолчал.

– Места он себе не находил от волнения, – сокрушался Хома, разрываясь сердцем между родичем и другом.

– Да уж нашёл, не волнуйся, – пробурчал, не выдержав, Суслик.

– Что – нашёл? – не понял Хома. Он здорово отупел в последнее время.

– Место нашёл. На чужой мягкой постели.

– Я себе тоже охапочку травы принёс, – сказал Хома. – Ты не думай, я больше на земле не сплю.

– Только этого и не хватало! И в кого ты такой чудака?

– Наверно, в дядюшку, – смутился Хома.

– Если бы ты в него был, его бы в норе не было.

Вот и весь сказ. Трудно Хоме. Дядюшке угодишь, друг обижается. С другом согласишься, дядюшку рассердишь.

«А как было бы хорошо, если бы дядюшка и Суслик подружились, – мечтал Хома. –

Сразу стало бы легче. Суслик-то один живёт, ему много не надо. Подкидывал бы что-нибудь нам из своих запасов. Втроём легче прожить, чем вдвоём – с дядюшкой!..»

И всё-таки, несмотря ни на что, прав оказался не Суслик, а Хома. Он своего дядюшку лучше знал. И уважал не даром.

Счастливое детство никогда не забывается! Вот хотя бы, кто тогда его на ручёй водил? Кто его плавать учил? Кто о нём в неволе помнил? Всё дядюшка!

В одно прекрасное утро дядюшка встал раньше обычного. С хрустом расправил плечи и озорно подмигнул племяннику.

– Пойду. Нагостился я у тебя вдоволь!

– Что ты? Поживи ещё, – и Хома уточнил: – Хоть денёк.

– И не проси, – отказался дядюшка. – А то, я гляжу, ты со мной загнёшься, – уверенно заметил он, – или друзей растеряешь. Вчера тебя не было, Суслик твой заходил, горошку на дорожку мне принёс.

И дядюшка вытащил из-под постели внушительный мешок.

– Да как он смел?.. – возмутился Хома.

– Угомонись, – ласково почесал его за ухом дядюшка. – Я и вправду зажился здесь. Столько я в неволе просидел, манят меня в даль вольные дороги!

Он лихо закрутил усы.

– А на друга не сердчай. Родных не выбирают, а друзей ещё поискать надо.

Дядюшка обнял Хому. И вышел.

– А мешок? – выскочил за ним из норы Хома.

– Зачем он мне? – махнул на прощание дядюшка. – Мне без него легче.

Он скрылся в густой траве. И только её колыханье указывало его прихотливый путь.

– А увидимся? – крикнул Хома.

– Куда я денусь! – бодро донеслось, уже издали.

Долго стоял на пригорке Хома. Подошёл Суслик и молча стал рядом.

– Ты что ему сказал? – не поворачиваясь, спросил Хома.

– Ничего, – ответил Суслик.

– А почему же он ушёл?

– Не знаю...

– А зачем ты ему мешок гороха принёс?

– Он попросил. Сказал, что уходить собрался, а у тебя, мол, пусто. Хоть шаром покати.

– Узнаю дядюшку! – весело воскликнул Хома. – Он без этого не может. Разорил тебя аж на целый мешок. Не забыл про меня!

– Это я про тебя не забыл, – тихо сказал Суслик. – Чей мешок-то?

И непонятно, расслышал ли его Хома. Он по-прежнему смотрел в ту сторону, где скрылся дядюшка, вольный хомяк.

Как Хома и Суслик красоту защищали

Повадилась к ним на ручей одна шумная компания с ночёвкой приезжать. На новой большой машине. Палатку поставят, костёр распалят и куро-лесят.

Люди ещё называются. Всюду намусорят, деревца ломают, кувшинки оборвут. После них хоть потоп! Не раз приходилось Хоме и Суслику после них горящую траву водой заливать.

Прямо нашествие!

А ведь эти пришельцы вроде бы разбирались, где хорошо, а где плохо. Каждый раз для своей стоянки другое место выбирали. Получше.

Там, где раньше всё разорили, никогда не останавливались. А на новом месте всегда восхи-

щённо руками всплескивали: ах, красота какая вокруг!.. И сразу же начинали всё крушить.

Может, поэтому сюда и ездили? Может, хотели всю красоту из зависти уничтожить? Сегодня тут, завтра там, – повсюду.

А шуму от них – все кричат, визжат, прыгают!

Целые снопы самых лучших цветов на лугу нарвут, а потом выбрасывают. Ненормальные.

И до чего прожорливы! Как приедут, без остановки едят. Да ещё что-то пьют, на глазах дуреют. Как-то один верзила, в малиновом пиджаке, чуть в костёр не упал, с трудом оттащили. Другой в ручье едва не утонул, еле откачали. Хохочут. Такая беда, а им весело!

– И откуда они взялись, эти люди? – расстраивался Суслик.

– Это новые люди, растяпа, – вздохнул Хома. – Мне о них наша Белка рассказывала. Они её кокосовым орехом подманили, поймали и в город увезли. А там в клетку посадили. Случайно оттуда удрала и чудом домой дорогу нашла.

– А почему их «новыми» называют?

– Как говорит Белка, у них всё новое: дома, одежда, еда, машины.

– А головы? – перебил его Суслик.

– А головы пустые. Что, сам додуматься не можешь? Пропадём мы с этими «новыми», – приуныл Хома, – совсем пропадём.

– Пропадём, – как эхо откликнулся Суслик.

– Как думаешь, что для них дороже всего? – вдруг спросил Хома.

Суслик так и просиял, услышав, что и он всё-таки может думать. Не ожидал такого уважительного отношения от грубияна Хома.

– Машина! – выпалил он. – Машина – самое дорогое!

– Вот этим мы и займёмся, – твёрдо сказал Хома. И странно посмотрел на лучшего друга.

– Ты чего удивляешься? – смутился тот. – Что-то не так?

– Потому и удивляюсь, что так. Правильно говорят: скажи, кто твой друг, и узнаем, кто ты.

– Ну кто я? – подался вперёд Суслик, ожидая услышать приятное.

И не ошибся.

– Умный ты, – сдержанно ответил Хома.

– А ты?

– А я – твой друг, – хитро улыбнулся Хома.

– Ага. Значит, ты сам себя похвалил?

– И тебя не забыл!

Они оба расхохотались.

– А теперь, – сурово сказал Хома, – надо собирать Большой Совет! Эти «новые» всем надоели!

На их жизни Большой Совет животных созывался всего один раз. Тогда в ближней деревне пожар случился. Но, к счастью, ни на поле, ни на рощу, ни на луг не перекинулся. Обошлось. Всего-навсего полдеревни сгорело.

И вот поздно вечером на просторной поляне в роще вновь собрался Большой Совет. Не важно,

кто кому друг, а кто кому враг. Общая беда сближает.

Пришли и прилетели все. Могучий Медведь, зубастый Волк, хитрая Лиса, клыкастый Кабан, носатый Барсук, проворная Белка, старина Ёж, Заяц-толстун, древний Ворон, грозный Коршун, быстрый Кобчик, Сова лупоглазая, Филин-полуночник, коварный Ястреб и доктор Дятел. Само собою, Хома и Суслик. И ещё множество юрких мышей и полёвок, подслеповатых кротов, хлопотливых синичек, ловких ласточек, крикливых га-лок. Всех не перечислишь.

Совет открыл самый старый житель округи – чёрный Ворон. Он жил на могучем дубе в старинном гнезде и редко где появлялся. Он и сам не знал, сколько ему лет. Помнил только, что появился на свет, когда никого ещё на свете не было. И это трудно проверить.

– Рад... всех... видеть... живыми, – медленно произнёс Ворон. – Надеюсь... такими... и останетесь.

Тут же с треском зааплодировали крыльями галки, но на них зашикали со всех сторон.

– Надо... что-то... делать! – коротко закончил Ворон.

И тяжело улетел. Отдыхать.

– Но что? – запоздало пропищал какой-то мышонок. – Делать что с пришельцами?

Сразу поднялся гвалт. Все наперебой загомонили:

– Ездят на машине! Костры жгут! Лес рубят, щепки летят! А мусору, мусору!

– Ужас, – громко сказал Медведь. – Из берлоги не выхожу – прячусь.

До утра бы все галдели, если б не Хома. Он бесцеремонно взобрался оторопевшему Медведю на макушку и крикнул с высоты:

– Машину у них уничтожить, и концы в воду!

– Машину? – снизу вверх озабоченно спросил Медведь. – А с ними самими как?

– А они тогда больше не приедут! – уверенно заявил Хома в наступившей тишине. – Вот увидите. У меня есть хитрый план...

Это и решило дело. Все одобрительно выслушали Хому.

Только один старина Ёж попытался потом его оспорить.

– Ну, разделаемся мы с машиной, – проворчал он, – а они затем на новой приедут. Они же и сами – новые! – видать, тоже что-то слышал от Белки.

– А мы и с новой разделаемся, – спокойно сказал Хома.

И Ежу пришлось умолкнуть.

Правда, затем он опомнился и забормотал о том, что глупые собаки всегда кусают палку, а не того, кто их бьёт. Так и с машиной – то же самое выйдет.

Но его никто не слушал.

Старый он, Ёж, а такой свирепый. Хотел не с машиной, а с самими пришельцами расправиться!..

Хитрый план Хома нельзя было выполнить без помощи мудрых умельцев бобров. Вот его

и послали ходатаем к далёким бобрам. Он с ними познакомился во время известного путешествия вниз по ручью.

А поскольку добираться туда по воде слишком долго, его отправили к ним по воздуху. Он полетел на Сове, о чём ему давно только снилось.

— И сны иногда сбываются, — сказал Хома Суслику перед ночным полётом. Трепетным голосом.

— Я в парк! — привычно сказала Сова, когда Хома подошёл к ней. — Ой, забылась. Садись.

Сова любила летать по ночам в парк отдалённого санатория, где ловила непуганых мышей.

Хома взобрался и схватился за её шею. Она подпрыгнула, взмахнув крыльями, и растаяла во тьме.

— Так просто, — потерянно вымолвил Суслик.

И остался терпеливо ожидать друга. Хома прилетел на Сове обратно той же ночью.

Когда он ступил на землю, его пошатывало.

— Ну? — кинулся к нему Суслик.

— Будут, — чётко сказал Хома.

— А меня... меня покатаешь в ночной вышине? — униженно попросил Суслик Сову.

— В парк! — она лихо ухнула и улетела.

— Ну и как там сверху выглядит наша Земля? — с тёплой завистью спросил друга Суслик.

— Тёмная, — не стал приукрашивать Хома.

— А всё-таки? Хоть что-то видно?

— Да я и не смотрел, — уклончиво ответил Хома.

– Почему? – изумился Суслик.

– Почему, почему... Боялся.

– Это мне знакомо. А небо какое сверху? – не отставал Суслик.

– Какое? – переспросил Хома и, словно впервые, поглядел снизу на далёкое теперь небо. – Понимаешь, без высокой травы, без макушек цветов, без верхушек деревьев. Одно только небо вокруг, – сам удивился и повторил: – Одно только небо. Только небо...

В ту же ночь в большой берлоге у Медведя собрался Малый Совет: хозяин, конечно, затем Волк и Лиса от крупных и от средних зверей, Заяц-толстун от небольших животных, Хома и Суслик от мелкой живности, безымянная полёвка от разной пустячной мелочи. Коршун – от всех птиц. И ещё Белка как знаток всяких повадок пришельцев.

Хома, стараясь не хвастать, рассказал, что мудрые умельцы бобры горячо поддержали своих дальних соседей. Их вожак, седой Бобр, так разгорячился, что трижды окунался в воду с головой, чтобы остыть и обдумать всё на свежую голову.

Короче, завтра они сделают подходящий, надёжный плот. И к вечеру его пригонят. Ручей теперь полноводным стал – на всём протяжении от их плотины. Поэтому помех не будет: они на плоту свободно пройдут.

– Ну что ж, – пробасил Медведь. – Спасибо дорогим бобрам. Время у нас ещё есть. Пришельцы всегда появляются в строго определённые дни.

– По субботам, что ли? – спросила Белка, побывавшая в плену и знавшая их обычаи.

– Да хоть по воскресеньям, – невозмутимо ответил Медведь.

Он тоже был не лыком шит. Когда-то из передвижного зверинца удрал.

– У нас в запасе ещё два дня, – обстоятельно продолжил Медведь. – Главное, чтобы бобры не лопухнулись и спрятали свой плот здесь поблизости, за поворотом ручья. Пусть не ставят на виду. А то я их знаю!

– Они знают, – поспешно вставил Хома.

– Что? – засопел Медведь. – Знают, что я их знаю?

– Я знаю, что этого они не знают, – быстро возразил Хома. – Они знают, что плот надо спрятать так, чтобы пришельцы не знали.

– Вот теперь знаю, – довольно сказал Медведь и косо посмотрел на Хому. – Ты меня не путай.

– Чего к нему придираешься? – смело вступился за друга Суслик, уверенный, что ему ничего не грозит. Хотя бы до субботы.

– И этот туда же, – пробурчал Медведь. – Распоясались.

– Я знаю... – начал было Суслик.

– Тихо! – гулко крикнул Медведь. – Знать не знаю и знать не хочу! Тыфу ты! Привязалось.

Он хмуро оглядел всех лесных, полевых и луговых заговорщиков.

– Почему Кабана нет?

– Кабан снаружи стоит, – подала голос Лиса.

– Почему? – удивился Медведь.

– Не вмещается. Маловата нора, – доложила Лиса. – Извиняюсь, берлога.

– А он всё слышит?

– Слышу, слышу, – раздался от входа низкий Кабаний голос. – Слышу хорошо.

– Хорошо, – сказал Медведь и повернулся к Лисе. – О моей «норе» мы после субботы поговорим, когда врагов прогоним!

– Нет уж, увольте, – отказалась она.

– Цыц! Так вот, нам с Кабаном послезавтра предстоит самая тяжёлая работа. Все по домам! – внезапно гаркнул Медведь. – А ты, Кабан, заходи. Да, – остановил он Коршуна, – с утра будешь в дозоре.

– Давай погуляем до утра, – сказал Суслик Хоме по пути домой.

– А зачем? Спать надо, сил набираться.

– Сил и у Медведя с Кабаном хватит, а вот так всю ночь погулять не скоро нам доведётся, – смело поглядывал по сторонам Суслик.

– Ах, вот ты о чём, – наконец догадался Хома.

– Ну! Никто тебя сегодня ночью не тронет, не сцапает, не съест. Такое раз в жизни бывает.

– Уже второй раз, – поправил Хома. – Помнишь, пожар в деревне был?

– Ну и что? Петь громко хочется, веселиться! А желания нет, потому что сейчас нам все разрешается, – грустно закончил Суслик.

– Да и рассвет скоро, – серьёзно заметил Хома. – И вздремнуть не успеем.

Наутро началась подготовка к достойной встрече незваных гостей.

Сначала определили место, где должны были остановиться пришельцы. Как об этом узнали? Просто.

Они всегда выбирали красивые места возле ручья. Чистую зелёную травку. Ровную площадку для машины.

Поэтому старый мусор на их прошлых привалах звери умно решили не убирать. Пока. Иначе не угадаешь, где пришельцы надумают стать: для них, пожалуй, везде будет хорошо.

После долгих споров нашли самую замечательную стоянку. На излучине ручья, с пологим спуском к воде.

Хитрая Лиса предложила загодя собрать дрова и сложить их там на виду. Тогда точно не передумают – здесь остановятся.

– И что ж, теперь они не пойдут с топором в рощу? – прискорбно спросил: старина Ёж.

– Не пойдут. Ох, не пойдут, родимые, – сладко пропела Лиса.

Все захихикали.

– Жаль, – огорчился Ёж. – Я думал, мы в роще потайных ям нароем. Бух – и нету!

– И нету, – развела Лиса лапами.

Медведь прикатил из чащи здоровенное бревно. Пусть, мол, гости на нём с удобством посидят.

– Самая подходящая мебель для них – кол! – брюзжал старина Ёж.

Рядом с бревном и стали складывать сушняк. Дрова носили все звери. А птицы таскали в клювах разные хворостинки.

Медведь окинул пронизательным взглядом окрестность, словно полководец поле намеченной битвы.

– Так-так. Сядут лицом к костру и спиной к машине. Она будет стоять поодаль. Как раз у спуска к воде, – убаюкивающе бормотал он.

Груда валежника выростала быстро. Все работали сплочённо и весело. Зверски.

В небе зорко кружил Коршун, приветственно покачивая крыльями.

Даже насекомые одобряли и ободряли животных. Разноцветные бабочки освежали их прохладными взмахами своих крылышек. А дикие пчёлы угощали всех пахучим мёдом. Особенно был доволен Медведь. Уж такого он никак не ожидал. Небывалое событие!

Все были так добры друг к другу и делились своими припасами. Скупая Белка оделяла спелыми орехами. Ворчливый старина Ёж не успевал доставлять вкусные грибы. А отшельница Выдра неожиданно принесла свежей рыбы.

– Вот так бы всегда, – вздыхал Суслик.

– Угу, – соглашался Хома, набивая защёчные кладовочки даровыми орехами.

Вечером дозорный Коршун доложил, что на ручье появился плот. Бобры не подвели.

Как и договаривались, они поставили его в укромном месте. За поворотом ручья.

Трогательной была встреча бобров с Хомой и Сусликом, когда их маленький камышовый плотик причалил к большому бревенчатому плоту. Незабываемое зрелище!

На берег тут же заявился Медведь.

– Здорово, ребята! – рявкнул он.

Бобры чуть в воду не упали с перепугу. Один, правда, упал. Лишний раз испытался.

– Огромное спасибо, – понизил голос Медведь. – Молодцы, бобры!

Теперь им надо было подождать здесь до следующего вечера, о чём он смущённо и сообщил.

– Знали бы, не спешили, – обиделись бобры. – Гнали без передышки!

– Зато вдоволь отдохнёте, – успокаивал их Медведь. – Каюсь, я нарочно просил вас прибыть на день раньше. Боялся, вы вовремя не успеете.

И вот наконец наступила долгожданная суббота.

– Едут! – спланировал вниз дозорный Коршун.

Все попрятались кто куда.

Как задумывали, так и вышло. И машину пришельцы поставили там, где нужно. И на бревне удобно расселись, рады-радёшеньки дармовому хворосту. Да ещё и похахатывали. Наверняка над теми дурнями, которые понапрасну для себя дрова заготовили.

Сначала они себя вроде бы смирно вели. Словно обвыкались. Купались, загорали. Ели, конечно. И много!

Затем, как всегда, принялись цветы на лугу рвать. Целую гору нарвали. Разлеглись на цветах – и гоготали довольные.

А вечером будто с цепи сорвались! Вновь с неистовой силой набросились на еду. Варили, парили, жарили. Пили и пели. И снова ели. А потом устали и закурили. Задымили, засопели, закашляли.

Передохнули чуток и – опять! Пили, хохотали. Орали, кричали, вопили. Мычали.

Огонь от огромного костра поднялся до небес. Искр было больше, чем звёзд на небе! Снова били бутылки, поджигали траву. Визжали и прыгали под жуткую музыку так, что в далёкой норе у Хо-мы земля с потолка сыпалась.

Совсем стемнело. Ночная темнота со всех сторон обступила костёр.

Теперь и зверям пришла пора взяться за дело.

Бобры неслышно подогнали свой плот и, как заранее условились, поставили вплотную к берегу. Там, где пологий спуск к воде.

Пришельцы продолжали бесноваться у огня.

Возле машины незаметно появились Медведь и Кабан. Они приналегли на неё сзади, и она мягко пошла вниз по спуску.

И надо же, машина застряла перед самым плотом. Колёса увязли в рыхлом песке. Как ни старались Медведь и Кабан, она не двигалась с места.

Но тут из темноты вынырнули Волк и Лиса, Барсук и Заяц, Белка и Ёж, Хома и Суслик, другие зверьки. Кого только не было!

Маленькие птички, облепив кузов, вовсю махали крыльями, тоже помогая толкать машину.

И вот навалились всем миром и...

Машина, тихо чмокнув, легко вкатилась на плот. Он мгновенно отчалил. Бобры держались в воде за брёвна и бесшумно гребли широкими округлыми хвостами как вёслами.

Следы от колёс были быстро засыпаны. А затем Лиса и Белка тоже пустили в ход свои хвосты, тщательно подметая песчаный берег.

Когда утром пришельцы, громко зевая, выползли из палатки, они не поверили глазам своим. А чужим бы – и подавно.

Машины не было. Не было машины!

Исчезла. Растаяла, как дым от головёшек. В небо унеслась. Сквозь землю провалилась. Да и была ли машина?

Крик! Беготня! Вопли!

Пришельцы даже в ручей заглянули. В прозрачной глубине по чистому дну лишь раки ползали.

Всё вокруг пришельцы обегали – нет машины. С ума сойти! Только где его взять?

А машина была уже далеко. Не дойдёшь туда и не добежишь. Туда только долететь можно. На Сове!

Коршун потом доложил, что бобры в конце концов загрузили машину булыжниками и утопили. И новую плотину прямо там строить начали. Удобно.

Всё-таки хоть кому-то на пользу машина пошла.

Ну а пришельцы больше не приезжали. И не приходили тем более.

Прежняя славная жизнь началась у Хомя и Суслика, хотя и приходилось снова от Лисы, от Волка, от Коршуна прятаться.

Одно жаль – ночью теперь не погуляешь. До следующего Большого Совета.

Литературно-художественное издание

Для дошкольного
и младшего школьного возраста

Иванов Альберт Анатольевич

ВОЛШЕБНЫЙ КУВШИН ХОМЫ И СУСЛИКА

Редакторы *Е. Неволина, С. Петропавлов*
Художественный редактор *Ю. Алексеева*
Технический редактор *В. Кулагина*
Корректор *Л. Хохлова*
Верстка *О. Зайцева*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры.

ЛР № 070099 от 03.09.96.

Подписано в печать 14.02.01.

Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура Журнальная.

Усл. печ. л. 4,68. Изд. № 00-1456-КИ.

Тираж 5000 экз. Заказ № 4256.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «Рекламфильм». 103055, Москва, Палиха, 10
Полиграфическая фирма «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ».
103473, Москва, Краснопролетарская ул., 16

В новой книге серии «Какая история!»,
написанной замечательным писателем
Альбертом Ивановым, собраны
известные и уже полюбившиеся многим
сказки о неразлучных друзьях
Хомя и Суслике.

Много опасностей подстерегает
маленьких героев. Но они
умны и находчивы, и поэтому
всякое дело им по плечу!

О дальнейших приключениях смешных
и весёлых героев читайте в серии
«Какая история!»

ОЛМА-ПРЕСС

ISBN 5-224-01611-8

9 785224 016112 >